

Русские классики
в творческом восприятии М.А. Алданова
и В.В. Набокова: схождение и полемика
(по материалам переписки)

В статье анализируется переписка М.А. Алданова и В.В. Набокова в аспекте их отношения к русской классической литературе XIX века. Дается характеристика тематике, содержанию и стилю эпистолярных суждений этих писателей о Пушкине, Гоголе и Толстом. Делается предположение об особой атмосфере взаимоотношений Алданова и Набокова, которая повлияла на характер их писем.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, переписка, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.А. Блок, М.А. Алданов, В.В. Набоков.

Данная статья – это часть работы, в которой речь идет об оценках произведений русской классической литературы XIX в., проявившихся в творческом диалоге М.А. Алданова и В.В. Набокова. Сейчас мы обращаем внимание на те литературные линии, которые оказались обозначены только в эпистолярном рисунке взаимоотношений двух писателей русского зарубежья – Марка Алданова и Владимира Набокова.

О значении русской классики в судьбе отношений двух писателей нам напомнит общеизвестный факт. Когда Алданова пригласили читать курс лекций по русской литературе в Стэнфордский университет, он отказался и рекомендовал вместо себя Набокова. Тот принял предложение, получил визу – с этого и началась его карьера в Америке. Вскоре США приняли и Алданова.

В предисловии к изданию писем В.В. Набокова и М.А. Алданова 1940–1956 гг. Николас Ли точно определил пафос этого

эпистолярная: «Судя по переписке, нельзя с уверенностью ручаться, что Алданов так уж благоговел перед даром Набокова и опасался его колкости и непредсказуемости. <...> В деликатности Алданова по отношению к Набокову сквозило нечто большее, нежели испуг или условный рефлекс редактора, укрощающего слишком уж темпераментного автора, – вот когда проявилась истинная суть дипломата и дельца от литературы»¹.

В переписке писателей приходится вести речь о мастерстве, удачах и проблемах творческих коллег. В письмах Набокову Алданов старается преодолеть резкие различия в характерах, настаивая, что не надо судить других писателей с его, так сказать, весьма высокой колокольни. Особенно рьяно защищает он этот принцип, когда Набоков критикует недостатки композиции прозы И.А. Бунина, но в этой статье мы делаем акцент именно на русской классике XIX в.

Наиболее частотной в общении писателей была пушкинская тематика. С нее и начнем.

6 августа 1943 г. Набоков пишет Алданову из Экта, штат Юта: «Мы живем в диких орлиных краях, страшно далеко, страшно высоко <...>. Я знаю, что вы не поклонник природы, но все-таки скажу вам о несравненном наслаждении взобраться чуть ли не по отвесной скале на высоту 12 000 ф. и там наблюдать “в соседстве” пушкинского “Бога” жизнь какого-нибудь диковинного насекомого, застрявшего на этой вершине с ледниковых времен»². Набоков имеет в виду стихотворение А.С. Пушкина «Монастырь на Казбеке»:

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..³

Общаясь с Алдановым, Набоков пользуется присущим ему метафорическим языком. В этом письме цитата из пушкинского текста, участвуя в набоковской игре, превращается в троп, в эпитет. Но зачем это Набокову – только ли чтобы добиться изобразительности или апеллировать к прославленной эрудиции Алданова?

А может затем, чтобы литературностью неожиданных ассоциаций, легкостью импровизированных тропов показать свое превосходство – в стиле, в языке, в искусстве?

Обратим внимание на замечание одного из издателей переписки писателей Николааса Ли, который высказался, что в письмах Алданова нет художественной магии, «в то время как набоковские так и блистают игрой слов. Набоков спрашивает: «Правда ли, что умережковский?» (З.1.1942.). Он радостно сообщает: «Я впервые остишился по-английски» (20.X.41), он терпеть не может «беллетристических дам» (20.V.42)».⁴

В уже цитированном письме от 6 августа 1943 г. Набоков еще раз цитирует Пушкина, на этот раз стихотворение «19 октября»: «Дорогой друг, как хочется с Вами побеседовать о “буйных днях” Парижа, о Шиллере – нет, только не о Шиллере». И снова – эта цитата неточная, игровая, однако сохраняющая ритм первоисточника: «Поговорим о бурных днях Кавказа, // О Шиллере, о славе, о любви...»⁵. Кажется, что литературная игра в письме – это знак уважения собеседника, деликатной уверенности в его эрудиции, это знак возможности равноправного искусного диалога.

В одном из писем Набокова 1941 г. звучит еще одна ассоциативная, но теперь уже обобщенная характеристика творчества Пушкина: «<...> Работаю и читаю на солнце, в купальных штанах – а тут климат действительно замечательный: вроде пушкинской прозы – безоблачно, но не жарко»⁶. Такая оценка, конечно, красива, она изысканная, эстетская. Сравним с тем, что будет сказано Алдановым, когда тому исполнится почти 70 лет. В письме 1954 г. он выскажется впервые, а затем в 1955 г. в статье «О Чехове» повторит свое мнение об иерархии отечественных прозаиков. На самом верху им будут поставлены: Толстой, Гоголь, Достоевский, Чехов, ниже – Тургенев и Гончаров. Пушкин и Лермонтов «<...> как великие поэты по преимуществу в этот счет не входят, сколь ни совершенны и ни удивительны их прозаические произведения <...>»⁷. То есть, по Алданову, важное поэтическое обстоятельство лишает А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова конкуренции на Олимпе русской прозы. На наш взгляд, это, безусловно, аргументированный, но слишком рационалистический рейтинг. Алданов словно не слышит величия благодного дыхания пушкинской прозы. Интересно, что отношение к пушкинским творениям у Алданова было разным, исторические ошибки автору «Полтавы» не прощались, но восторг от прозы Пушкина был известен и Алданову. Так, в письме от 25 января 1943 г. он сообщает Набокову, что получил заказ на антологию «Сто лет русской художественной прозы»: «Начать предполагается с Пушкина (с неизбежной, но прекрасной “Пиковой дамы”),

а кончить Вами (если Вы на это согласитесь)»⁸. Но Алданов изменил бы себе, если бы не начал введение к антологии со слов обожаемого Льва Толстого. И только в третьем абзаце статьи он, скептик и пессимист, начнет о самом главном, о том, чего нет у него самого, но что есть с лихвой в создателе «Онегина»: «Пушкин был одним из наиболее жизнерадостных людей, когда-либо посетивших землю»⁹. Статью Алданов продолжит указанием на произведения, «дышащие страстной любовью к жизни», опять назовет и толстовские тексты, и, конечно, «Мертвые души», но пушкинская жизнерадостность все-таки будет первостепенной.

Набоков тоже сообщал о своих исследовательских делах, но очень отрывочно, а потому Алданов остался в недоумении. Так, 18 января 1956 г. Набоков из Итаки отправляет ему письмо в Ниццу такого содержания: «Чувствую себя очень виноватым, что так долго Вам не писал. Моя переписка как-то разлезлась по швам. За этот год я кончил, или почти кончил, две мучительных книги, из которых одна – громадный том комментариев к моему “Евгению Онегину”»¹⁰. Алданов, по-видимому, не мог взять в толк, что за «Онегина» написал автор «Дара», потому его письмо от 25 февраля 1956 содержит как добрые слова, так и прямой, естественный вопрос: «<...> Сердечно поздравляю с тем, что работа у Вас идет так успешно: Вы сообщаете, что кончили две книги, из которых одна громадный том комментариев к “Евгению Онегину”. А какая другая? Роман? Когда и где обе появятся?»¹¹. Набоков в присущей ему манере продолжает дразнить Алданова, вот что мы читаем в письме от 30 апреля 1956 г.: «Моя Евгение-Онегинская книга почти кончена. Остается только кое-что проверить и тому подобные пустяки»¹². Алданов не выдерживает: «Рад, что скоро выйдет “Онегин”, но не совсем понимаю, что это такое? Перевод?»¹³ Конечно, он угадал, но мог бы обидеться на младшего современника: разве правильно общаться в таком стиле с 70-летним писателем? Алданов такого тона не позволил бы ни в чей адрес. Тем не менее никакой раздражительности в письмах не проявляется, более того, видна сплошная благожелательность. Так, 7 сентября 1956 г. Набоков пишет Алданову письмо, которое окажется последним (25 февраля 1957 г. Алданов скоропостижно умер): «Очень был тронут Вашими милыми словами о “Весне в Фиальте”<...>. В Юте (райские края!) кончил начатый сыном перевод лермонтовского “Героя”<...>. Теперь сын возвращается в Кембридж продолжать учиться петь и ждать призыва в армию, а я вернусь к Пушкину, с которым надеюсь покончить к Рождеству»¹⁴.

25 сентября 1956 г. Алданов пишет последнее письмо Набокову: «Значит, Вашему сыну удалось найти издателя для перевода

“Героя нашего времени”! Это большой успех: вероятно, роман переводился и в далекие времена? Поздравляю его и желаю успеха у критики и публики <...>. Кто Ваш издатель для “Онегина”? <...> Я выше сказал об “Онегине”, но Вы пишете “Я вернулся к Пушкину”. Значит ли это, что дело идет не только об “Онегине”?»¹⁵.

Как видим, метафорический язык, игровая форма писем помогали Набокову уклоняться от ответов на прямые вопросы, в том числе по работе над переводами русской классики. Еще раз озадачимся. Зачем это могло понадобиться? Сохранять маску писателя, не любящего интервью? сохранить интригу? играть в загадки с пожилым автором? Допустим, «да». Но разве только этим связывается и ограничивается общение именных прозаиков?

Можно допустить иную интерпретацию этих литературных фактов. Если учесть, что Алданов был ближайшим другом Бунина и на протяжении всех сложных эмигрантских лет оставался его лучшим собеседником, то можно допустить, что от прямых вопросов о русской литературе, от вопросов о творческой лаборатории Набоков мог умышленно уклоняться, чтобы об этом меньше знал Алданов, а стало быть, и меньше узнал Бунин. Поскольку литературное соперничество Бунина и Набокова началось еще во второй половине 1930-х гг. (о чем так много писал Максим Д. Шраер¹⁶), то в 1940-е гг. оно уже очевидно «фиксировалось» в разных жанрах. После смерти Бунина правила игры в переписке сохранились еще на три года алдановской жизни: таков Набоков – мастер композиции, значение которой мог недооценить Марк Алданов.

Вторая линия общения в переписке – Толстой.

Рассуждая о литературе, писателям приходится в переписке говорить о творчестве Льва Толстого, вернее, не только о творчестве, но и его дочери Александре Львовне. Она возглавляла Толстовский фонд, оказывавший помощь русским, переселившимся в США. Отрывок из ее романа «Предрассветный туман» был опубликован в первом номере «Нового журнала». Набоков необыкновенно остро отреагировал на это сочинение (письмо от 21 января 1942 г.). Алданов в ответном письме от 23 января отметил, что гнев Набокова был несправедлив. Но тень антисемитизма, которую едва бросил этот роман, осталась Набоковым не прощенной. Так, в письме от 6 мая 1942 г. он продолжает злословить по этому поводу; однако письмо автора «Приглашения на казнь» – это не односторонняя инвектива, а многоходовая шахматная задача, которая не дает покоя Алданову. Набоков пишет: «<...> для приза пошлости и мецанской вульгарности я по-прежнему выбираю Александру Толстую <...> Не принимайте, дорогой друг, этих резкостей к сердцу. <...> А все-таки “Madame Bovary” метров на 2000 выше “Анны К.”»¹⁷.

Алданов всеми силами пытается отстоять не только литературную репутацию дочери Толстого, но и художественное первенство на литературном Олимпе самого Льва Николаевича. В письме от 13 мая 1942 г. он будет спорить с Набоковым: «Вы преувеличиваете значение композиции и особенно новизны композиции. За исключением “Войны и мира” почти все, кажется, классические произведения русской литературы в композиционном отношении не очень хороши – и не новы. <...> Французы – мастера <...> и “Мадам Бовари”, разумеется, в композиционном смысле на 2000 метров выше “Анны Карениной” <...>. Но если отводить композиции и новизне композиции не первое, а второе место? Будете ли Вы серьезно утверждать, что Эмма Бовари имеет ту же степень “жизненной правды” <...> какую имеет Анна Каренина? И можно ли читать флюберовское самоубийство после самоубийства Анны. Нет, нет, дорогой друг, не отрицайте: Лев Николаевич был не без дарования»¹⁸.

Ответ Набокова не заставил себя долго ждать, уже в письме через неделю сказано: «Вы спрашиваете, кого я бы выбрал из беллетристов. Тех же, что и Вы. Я только против беллетриствующих дам. В худшей бунинской вещи есть всегда строки, “исполненные прелести неизъяснимой”, как выражались в пушкинскую пору <...> Вы совершенно неправы, говоря, что “почти все классические произведения нашей литературы в композиционном отношении не очень хороши и не новы”. А “Шинель”? А “Дама с собачкой”? А “Петербург”? Да, мзакультпа, смерть Эммы <...> непревзойденно хороша. В общую “жизненную правду” я не верю; по-моему, у каждой жизни своя правда и у каждого писателя своя правда»¹⁹.

Словно не замечая, что Набоков его очень умело дразнит, Алданов вновь идет по следу и в письме от 31 мая 1942 г. продолжает дискуссию: «Что касается смерти Эммы Бовари, то я, помнится, говорил Вам, что и мне эта сцена кажется изумительной. Но в отношении Толстого все же это не тот, по-моему, класс: “полутяжеловес” и “тяжеловес”, вульгарно выражаясь, имею в виду самоубийство Анны, сцену в Мытищах, охоту Ростовых и пр. Думаю, что Флобер сам это почувствовал, когда прочел “Войну и мир”, – это видно из его письма»²⁰.

Третья линия общения в письмах изучаемых нами писателей – Гоголь. «Резкие и субъективные суждения в письмах Набокова могли устроить кого угодно»²¹, но Алданов проявляет изрядную выдержку и дипломатичность, сталкиваясь с его выпадами. Остается только предполагать, сколько душевных сил стоило Алданову стоическое поведение, роль, в которой он был как бы не замечающим иронии участником диалога. Фрагмент из уже цитированного

письма Набокова от 6 августа 1943 г.: «Хозяин гостиницы – мой издатель. “Гоголя” моего он скоро выпустит. Я там тискаю американских критиков приблизительно так, как теребил некогда Адамовича»²².

Нападки Набокова были же и проверкой терпения Алданова. Так, в письме от 15 сентября 1944 г. содержится развернутая рецензия на только что вышедшую книгу Набокова «Николай Гоголь»: «Я прочел ее не “в один присест”, но действительно в два. Это очень блестящая и остроумная книга, одна из Ваших самых блестящих. Солгал бы Вам, если бы сказал, что с ней согласен. У меня есть возражения к каждой странице. Очень ли Вы будете меня презирать, если я скажу, что, по моему глубокому убеждению, Гоголь, при своей самой подлинной гениальности, был много проще, чем Вы его изображаете, – проще от первой страницы с разговором двух “русских” мужиков (помните полемику о “русских”?) и молодого человека в белых канифасовых панталонах до последней с благородным мерзавцем-князем и его неподражаемым “разумеется, пострадает и множество невинных”? Проще и зависимее от иностранных влияний. Говоря о художественных приемах Гоголя, Вы, конечно, часто говорите о Сирине – и это высшая похвала. Знаю, что Вы совершенно равнодушны к чужому мнению и к моему в частности, но все-таки хотел бы Вам сказать, что я от Вашей книги в восторге. Со многим и согласен»²³.

Интересно, что далее Алданов задает вопрос, словно надеясь, что Набоков в оценке Гоголя будет с ним соглашаться: «Попадались ли Вам мои заметки о Гоголе, кое в чем совпадающие с Вашими (напр. о забавных суждениях о “реализме” и “гражданской скорби” Гоголя, о чудовищности основной моральной идеи “Мертвых душ” – “виноват был, что торговал мертвыми душами, а надо было торговать живыми”)?». Но ответа не последовало. Набоков, конечно, не мог не знать алдановской оценки создателя «Ревизора», но не продолжил диалог. Вероятно, диалог был ему не интересен, как и не интересен и сам Алданов в качестве инициатора беседы о литературе.

Некоторые имена русских классиков в переписке лишь обозначены, но ни идеи их, ни приемы, ни образы не получили обсуждения. О М.Ю. Лермонтове мы вспоминали в связи с набоковским переводом «Героя нашего времени». Наконец, тургеневская линия: если в письмах Алданова к Набокову о Тургеневе почти ничего нет, то Набоков в письме от 5 февраля 1942 г., задевая Бунина, напишет: «О бунинских прелестницах вроде Натали: “Характерно, что они все умирают, ибо все равно, как кончить, а кончить надо. Гениальный поэт – а как прозаик почти столь же плохой, как Тургенев»»²⁴.

В письме 2 февраля 1951 г. Набоков, отказываясь принимать участие в чествовании Бунина, напишет: «Как Вы знаете, я не большой поклонник И.А. Очень ценю его стихи – но проза... или воспоминания в аллее... Откровенно Вам скажу, что его заметки о Блоке показались мне оскорбительной пошлятиной <...> но войдите и в мое положение: как это мне говорить перед кучкой более или менее общих знакомых юбилейное, то есть сплошь золотое, слово о человеке, который по всему складу своему мне чужд, и о прозаике, которого ставлю ниже Тургенева?»²⁵. Таким образом, Набоков в своих ассоциациях не только крепко связывает творчество Бунина с творчеством Тургенева, но и принижает ценность бунинского наследия, а заодно – убирает Тургенева с литературного Олимпа.

Об А.И. Герцене Алданов написал Набокову от 5 ноября 1941 г.: «Хотел бы написать книгу о Герцене, но “издателей этим не соблазнишь”»²⁶. Мы уже отмечали этот факт: «Алданов всерьез рассматривал возможность монографического обращения к личности и творчеству Герцена <...> К сожалению, читатель не увидел ни книги, ни очерка о Герцене»²⁷.

Но вот о Ф.М. Достоевском и А.П. Чехове в переписке не встречается ни слова, есть только речь только об одноименном издательстве в США. Алданов, некогда думавший написать книгу о Достоевском, проговаривался о своем плане, но Набоков эту линию общения не поддержал.

Таким образом, в сюжете этого эпистолярного общения Набоков достигает превосходства. Он судит о современниках и классиках, как мэтр. Алданов же, участвуя в инициированных Набоковым литературных беседах, словно помогает раскрыть и дарование и амбиции Набокова, сам оставаясь на втором плане. По сути Алданов помогает Набокову избежать крайностей в оценках русских классиков. В переписке с другими писателями Алданов оказывается более открытым. В распространенной форме, иногда даже с указанием недостатков, он может написать о Пушкине, Тургеневе, но не делает этого в письмах Набокову. Думается, одна из причин этого – нежелание подливать масла в огонь темпераментного Набокова-критика и нежелание лить воду на мельницу растущих амбиций Набокова-писателя, который уже создал «Лолиту» и который ощущает не только возможность признания, но и приступ мировой славы.

-
- ¹ *Ли Н.* [Предисловие] // «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 124.
 - ² *Набоков В.В.* Письмо М.А. Алданову. 06.08.1943. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 135–136.
 - ³ *Пушкин А.С.* «Монастырь на Казбеке» // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977. Т. 3. С. 134.
 - ⁴ *Ли Н.* [Предисловие] // «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 124.
 - ⁵ *Набоков В.В.* Письмо М.А. Алданову 06.08.1943. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 126.
 - ⁶ *Набоков В.В.* Письмо М.А. Алданову. Лето 1941 г. Пало Альто, Калифорния. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 128.
 - ⁷ *Алданов М.* О Чехове // Алданов М.А. Соч.: В 6 кн. М.: Новости, 1996. Кн. 6. С. 478.
 - ⁸ *Алданов М.А.* Письмо В.В. Набокову. 25.01.1943. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 135.
 - ⁹ *Алданов М.* Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы». Цит. по изд.: Вековой заряд духовности: Две неопубликованные статьи о русской литературе. С. 165.
 - ¹⁰ *Набоков В.В.* Письмо М.А. Алданову. 18.01.1956. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 144.
 - ¹¹ *Алданов М.А.* Письмо В.В. Набокову. 25.02.1956. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 144.
 - ¹² *Набоков В.В.* Письмо М.А. Алданову. 30.04.1956. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 144.
 - ¹³ *Алданов М.А.* Письмо В.В. Набокову. 15.05.1956. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 145.
 - ¹⁴ *Набоков В.В.* Письмо М.А. Алданову. 07.09.1956. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 145.
 - ¹⁵ *Алданов М.А.* Письмо В.В. Набокову. 25.09.1956. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 146.
 - ¹⁶ *Шраер М.* Бунин и Набоков. История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

- ¹⁷ *Набоков В.В.* Письмо М.А. Алданову. 06.05.1942. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 132.
- ¹⁸ *Алданов М.А.* Письмо В.В. Набокову. 13.05.1942. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 133.
- ¹⁹ *Набоков В.В.* Письмо М.А. Алданову. 20.05.1942. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 134.
- ²⁰ *Алданов М.А.* Письмо В.В. Набокову. 31.05.1942. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 134.
- ²¹ *Чернышев А., Ли Н.* [Предисловие] // «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 124.
- ²² *Набоков В.В.* Письмо М.А. Алданову. 06.08.1943. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 136.
- ²³ *Алданов М.А.* Письмо В.В. Набокову. 15.09.1944. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 136–137.
- ²⁴ *Набоков В.В.* Письмо М.А. Алданову. 05.02.1942. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 132.
- ²⁵ *Набоков В.В.* Письмо М.А. Алданову. 02.02.1951. Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) // Октябрь. 1996. № 1. С. 140.
- ²⁶ *Алданов М.А.* Письмо В. В. Набокову. 05.11.1941 [Цит. по публикации: «Как редко теперь пишу по-русски». Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова. (1940–1956) / Предисл. А. Чернышева и Н. Ли; публ., подгот. текста и примеч. А. Чернышева] // Октябрь. 1996. № 1. С. 130.
- ²⁷ *Шадурский В.В.* Марк Алданов – комментатор русской классики. Великий Новгород, 2016. С. 65.